

нѣ въ устахъ невѣрующаго, чѣмъ въ устахъ человѣка, исповѣдующаго христіанскую религію.

Истолкованіе уличаетъ Іисуса въ противорѣчіи съ самимъ собой. Онъ говоритъ: „Вы слышали, что было сказано (Моисеемъ и его толкователями): око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю вамъ: не противься злему, а подставляй щеку, отдай кафтанъ, а не судись“. И Онъ же говоритъ совершенно противное, поучая: „Итакъ, кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ (даже ту, въ которой предписывается отнятіе жизни) и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ“.

Пусть такъ, допустимъ въ угоду лжетолкователей, что Христосъ противорѣчитъ самъ себѣ,—слѣдовательно, все противорѣчивое лишается вѣса и значенія; спрашивается, почему же противорѣчіе это не могло бы ровно настолько же служить доказательствомъ въ пользу непротивленія, какъ и въ пользу противоположнаго мнѣнія. Развѣ Іисусъ не одинаково авторитетенъ относительно самого себя въ отношеніи отмѣны закона, какъ и въ отношеніи утвержденія его? Понятно, что одинаково авторитетенъ. Слѣдовательно, противорѣчіе это будетъ лишать силы и значенія все свидѣтельство Христа, и разсужденія противниковъ нашихъ даютъ лишь пищу полному невѣрію.

Принимая на слово толкованіе нашихъ противниковъ о іотѣ и чертѣ, весь христіанскій міръ возвращается, связанный по рукамъ и по ногамъ, прямо въ іудейство со всѣми его іотами и чертами. Воскрешается вся еврейская обрядность, такъ же какъ и нравственный и судебный сводъ узаконеній, разрѣшеній и запрещеній Моисея: и обрѣзаніе, и жертвоприношенія, и всѣ заповѣди объ омовеніяхъ, бритьѣ, лѣченіи прыщей,—все, и великое и безобразное, равно становится обязательнымъ.

Многія узаконенія Моисея были отмѣнены, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они были безусловно нарушены или